

Список литературы

1. Касумова И.Д. Понятийно-терминологический аспект национальной проблематики: соотношения понятий «этнос», «нация», «народ»//Скиф. Вопросы студенческой науки-2017 г. - С.1-7.
2. Тишков. В., Этнология и политика. – М.: Научная публицистика, 2005. – 385 с.
3. Дугин А.Г. Этносоциология – М.: Академический проект, 2011. – 639 с.
4. Зарифуллина П. Народы и нации (традиционалистский подход) [Электрон.ресурс]. – 2012. – URL: <http://www.gumilev-center.ru/narody-i-nacii-traditionalistskijj-podkhod/> (дата обращения: 06.02.2019)
5. Махмудов Т.З. Понятие этноса и других категорий этнических групп// Аналитика культурологии – 2013 г. – С.1-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-etnosa-i-drugih-kategoriy-etnicheskih-grupp> (дата обращения: 06.02.2019)
6. Садохин А.П., Этнология. - М.: Гардарики, 2006. – 287 с.
7. Соотношения понятий «народ» и «нация» [Электрон.ресурс]. – 2017. – URL: https://psyera.ru/sootnoshenie-ponyatiy-narod-i-naciya_8429.htm (дата обращения 06.02.2019)
8. Ахунов А.М. Основы этнографии арабских стран: учебное пособие/ А.М. Ахунов. – Казань: Казанский государственный университет, 2005. – 256 с.
9. Сатановский Е.Я, Кедми Я. Диалоги. – Москва: Издательство «Э», 2017. – 256 с.
10. Ас-Самаани А. Аль-Ансаб. Т.10. – Каир: Даира аль-Маариф аль-Усмани, 1980. – 497 с.
11. Аль-Халиль ибн Ахмад аль-Фарахиди, Китаб аль-Айн, Т.2. – Бейрут: Дар аль-кутуб аль-илмия, 2003.-428 с.
12. Мухаммад ибн Якуб аль-Файрузабади, аль-Камус аль-Мухит, - Бейрут: аль-Рисаля, 2005. – 1498 с.
13. Ибн Манзур, Лисан аль-Араб. - Каир: Дар аль-Маариф, - 4980 с.
14. Ат-Табари, Тафсир ат-Табари в 26 томах, Том 21, - Гиза: Хаджр, 2001. – 623 с.
15. Abdullah al-Ahsan, The Quranic concept of Ummah // Institute of Muslim Minority Affairs Journal – 1986. – Т.7. No.2. – С. 606-616. DOI: 10.1080/13602008608716004
16. Ибрахим аль-Матруди, Ман аль-араб инда ибн Халдун? [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: <http://www.alriyadh.com/1548381> (дата обращения 06.02.2019)

НЕОБЫЧНАЯ СЦЕНА ЖРЕЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ИЗ ГРОБНИЦЫ МЕРЕРУКА: К ВОПРОСУ О СОВМЕЩЕНИИ ИКОНОГРАФИЧЕСКИХ ФОРМ В ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТИ

Куликов Фёдор Иванович

*Канд. ист. наук, доцент, Горно-Алтайский государственный университет,
г. Горно-Алтайск*

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2019.6.61.46](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2019.6.61.46)

АННОТАЦИЯ.

В статье исследуется содержание и механизм функционирования изобразительного пространства египетской частной гробницы как системы взаимосвязанных компонентов. Путем использования сравнительного анализа выяснено, что изображение хозяина погребения может сочетать несколько иконографических форм, благодаря чему в одном изображении передавалось исполнение сразу нескольких этапов ритуала. Сделанные выводы побуждают внести определенные коррективы в методику источниковедческого анализа древнеегипетского рельефа.

ABSTRACT.

This paper examines the content and the functioning mechanism of the visual space of the Egyptian private tomb as a system of interrelated components. Using the comparative analysis, it was revealed that the image of the grave owner can combine several iconographic forms. Due to this factor it was possible to show several stages of the ritual in one image. The findings necessitated to make certain adjustments to the methods of the historiographic analysis of the Ancient Egyptian relief.

Ключевые слова: древний Египет, египетский рельеф, египетская гробница

Keywords: Ancient Egypt, Egyptian relief, Egyptian tomb

Основным источником по истории древнего Египта времени Старого царства являются настенные изображения в частных погребениях - мастабах, размещенные в это время, как правило, в ее наземной части – суперструктуре. Они позволяют изучать практически все стороны жизни – экономику, социально-политическую структуру и мировоззрение общества. Однако египетские изображения вряд ли можно воспринимать своеобразным слепком с окружающих египтян реалий. Будучи

размещенными в погребение, они решали специфическую задачу – обеспечивали Двойнику хозяина – одной из его сущностей, «вечное» бытие. Это накладывало отпечаток как на содержание сюжетов, так и на художественную манеру исполнения. Египетский художник, оформляя изобразительное пространство погребения, активно использовал намеки, совмещал в одном изображении несколько функций и проч. Разобраться в некоторых принципах построения египетского изображения поможет анализ небольшого сюжета из мастабы Мерерука.

Гробница Мерерука – визирия и зятя первого царя VI династии Тети, является крупнейшим частным погребением в Саккаре [2]. Его наземная часть состоит из тридцати двух помещений, включая и камеры, предназначенные для жены и сына Мерерука. Внимание египтологов и туристов привлекают не только размеры комплекса, но и богатое, сравнительно неплохо сохранившееся оформление настенными рельефами. Здесь можно видеть сцены доставки хозяину продуктов и вещей, плавания хозяина в тростниковой лодке, сцены работ в болотах и на пашне и прочее.

Среди десятков сюжетов выделяется сцена погребения, размещенная в западной части южной стены камеры А-13. Верхняя часть рельефа не сохранилась, но по оставшимся нижним ярусам [2,

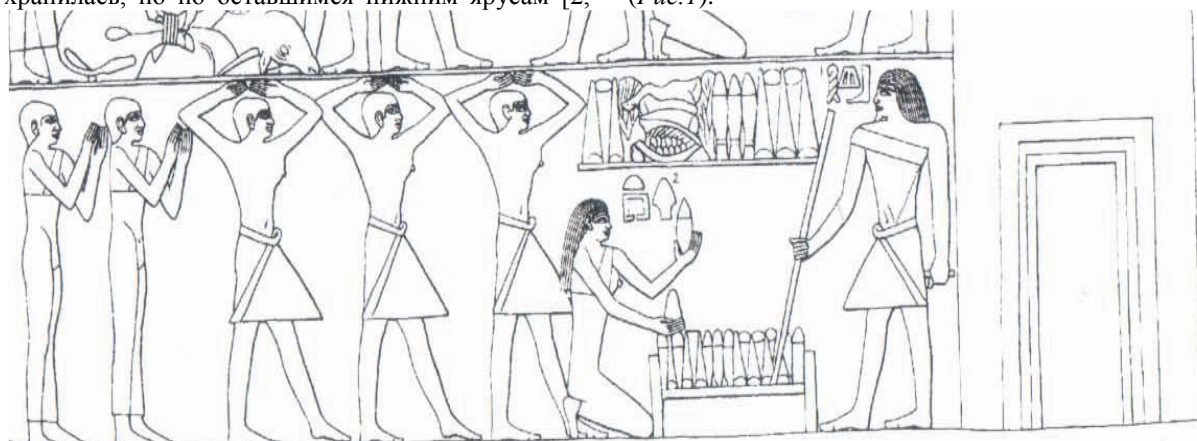

Рисунок 1. Сцена погребения из гробницы Мерерука (фрагмент)

В центре небольшой композиции художник изобразил открытый ящик с жертвенными продуктами – хлебом и пивом, который фланкируется мужской и женской фигурами. Внимание мужчины и женщины обращено на продукты. Слева от ящика на коленях стоит женщина, держащая в руках (вероятно, вынимающая из ящика) хлеб и запечатанный сосуд с пивом. Она одета в длинное платье с бретелями и носит длинные волосы. За ее спиной трое мужчин совершают ритуальный танец под аккомпанемент двух хлопающих в ладоши женщин. С другой стороны ящика художник разместил мужчину в длинном до плеч парике, с искусственной бородой и в коротком до колен опоясании с выпущенной вперед лопастью; на рельефе лопасть показана выступающим вперед углом. Лента через плечо и свернутый свиток в опущенной руке позволяют видеть в этом человеке жреца-чтеца (херихеба). В другой руке херихеб держит посох, поставив его на ящик с продуктами. Сразу над ними изображен лежащий связанный жертвенный бык, окруженный, судя по сохранившемуся фрагменту, мужчинами и женщинами. Жрец, танцовщики и связанный бык, расположенные перед погребением, указывают на ритуальный характер происходящего [1, с.103-115].

Изображение жреца-чтеца в нашем случае весьма необычно. Египетская изобразительность

рл.130] можно, в общем, восстановить последовательность изображенных событий. Мы видим, как гроб выносят из дома (поражает мастерство художника, передавшего горе оставшихся в доме женщин) и в погребальной барже, буксируемой небольшим гребным судном, доставляют вместе с необходимыми вещами к гробнице. Гробница передана изображением входной двери.

Сама по себе сцена погребения Мерерука не уникальна: в несколько иной трактовке она встречается, к примеру, у Анхмаахор, Кар и Иду. Внимание привлекает изображение ритуала, совершаемого несколькими лицами непосредственно у входа в мастабу. Этот сюжет завершает сцену погребения и расположен в западном углу южной стены (Рис.1).

отличается известным консерватизмом, проявившимся, в частности, в использовании устоявшихся иконографических штампов. Изображая херихеба за работой, художник, как правило, показывает его читающим развернутый свиток или направляющим особенным жестом продукты вельможе в ложную дверь. В развернутой сцене жреческой службы он, кроме этого, может совершать ритуал убиения следов или предлагать вельможе жертвенное мясо.

Среди известных нам нескольких десятков изображений херихеба за работой только жрец из гробницы Мерерука держит в руке посох и занят, как кажется, несвойственным для него делом. Подобные исключения, редко встречающиеся в египетской изобразительности, представляют для исследователя особый интерес.

Похожий сюжет мы находим в сцене погребения из мастабы Кар (Рис. 2), размещенной художником на северной стене открытого двора С [5, fig.24]. Но здесь над столиком с хлебом, пивом и мясом склонились женщина и жрец-ути (бальзамировщик). Женщина одета в длинное обтягивающее платье с бретелями; ее короткие волосы перехвачены на лбу лентой. Мужчина показан с бритой головой и, как и подобает ути, носит короткое обтягивающее бедра опоясание. Согласно надписи, они заняты «декламацией» над продуктами. При этом бальзамировщик держит навису и, почти касаясь ящика, короткий посох.

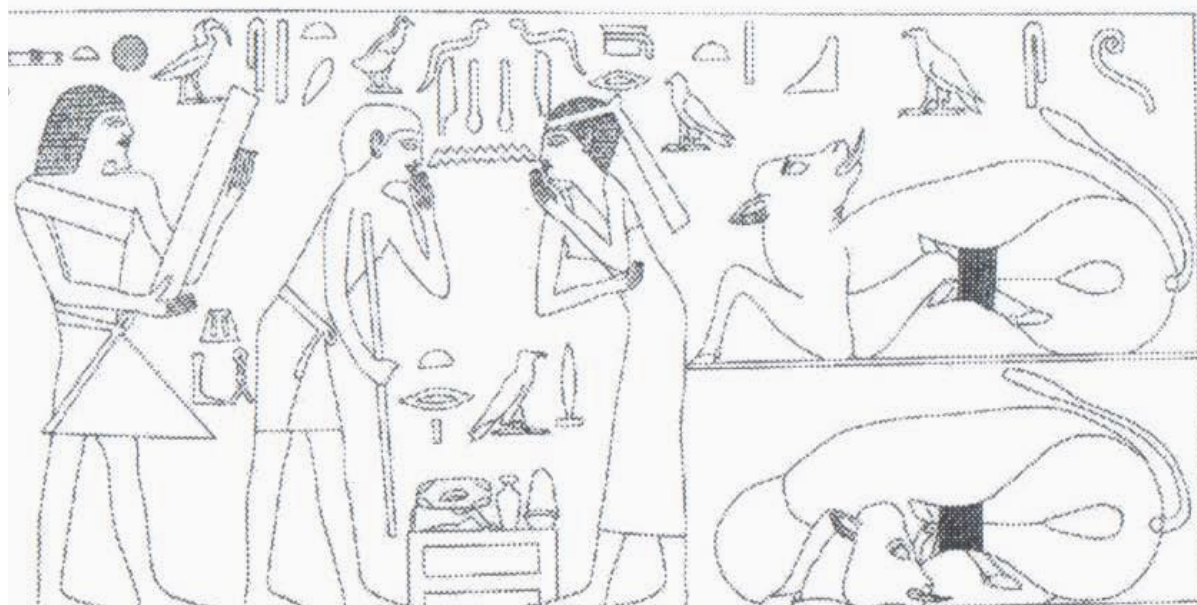

Рисунок 2. Сцена погребения из гробницы Кар (фрагмент)

Жрец-чтец с лентой через плечо, в этом случае, стоит поодаль, за спиной бальзамировщика и, обратившись лицом к декламирующим, читает развернутый свиток. За спиной женщины показаны два связанных быка, снабженные надписью «связанные», что делает аналогию с подобной сценой у Мерерука более зримой. В сцене жреческой службы перед статуей из гробницы Дебехни жрец-чтец не показан, но вокруг ящика с продуктами мы видим танцующих девушек и стоящих с посохами жрецов-ути. Здесь же, не遠деке, мясники разделяют связанных быков [4, fig.122].

Можно предположить, что в погребальной сцене Мерерука мы видим сжатый вариант ритуала, более полно раскрытого у Кар. Если наше предположение верно, то художник, оформлявший гробницу Мерерука, показал в фигуре жреца-чтеца и собственно херихеба (на что указывает лента и свиток в опущенной руке), и жреца-ути, декламирующего с посохом над продуктами.

Характерный пример совмещения в одной фигуре разных функций обнаруживается в рельефах из гробницы Мерисуанх III. Кауаб – близкий родственник хозяйки, – показан мастером весьма плотным мужчиной, в длинном одеянии, с платком и посохом в руках [3, fig.4]. Его голова брита, что характерно для изображений данного типа. После того, как мастеру понадобилось придать Кауаб и облик жреца-чтеца, это изображение было изменено: визуально почти незаметно, но, по сути – существенно. Поскольку херихеб практически никогда не показывается художником с бритой головой, ленту поперек груди (необходимый его атрибут) лишь наметили двумя тонкими линиями. Такой же

линией от макушки до плеч условно передали длинный парик. Так в одной фигуре были представлены два кардинально различающиеся иконографических типа с соответствующими функциями. После того, как изображение грузного Кауаб с посохом, платком, в длинном опоясании и с бритой головой получило ленту и длинный парик, оно приобрело способность исполнять и функции херихеба.

Можно предположить, что путем совмещения в одной фигуре двух либо более иконографических форм, египетский художник передавал несколько этапов ритуала. Это в полной мере относится и к необычной сцене жреческой службы из гробницы Мерерука. В реальности ритуал мог исполняться двумя людьми, либо одним человеком, но последовательно и в разных одеяниях. Если это предположение верно, оно может внести определенные коррективы в исследование староегипетского настенного оформления.

Список литературы:

1. Куликов Ф.И. Сцены танцев в египетских частных гробницах Старого царства // Петербургские египтологические чтения 2007-2008. Труды Государственного Эрмитажа. XLV. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2009.
2. Duell P. The Mastaba of Mereruka. Chicago, 1938.
3. Dunham D., Simpson W.K. The Mastaba of Queen Mersyankh III, G 7530-7540 (Giza Mastabas. Vol.1). Boston, 1974.
4. Hassan S. Excavations at Giza. 1932-1933. Vol. IV. Cairo, 1943.
5. Simpson W.K. The Mastabas of Qar and Idu. G 7101 and 7102 (Giza Mastabas. Vol. 2). Boston, 1976.